

ВООРУЖЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ¹

© 2020 г. А. Г. Арбатов

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

E-mail: alarbatov@gmail.com

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 19.08.2020 г.

Принята к публикации 01.09.2020 г.

Выход США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 г. угрожает распадом всей системе контроля над ядерным оружием, созданной за последние 50 лет. Это может повлечь за собой неконтролируемую многостороннюю гонку вооружений. Такой опасный поворот событий по-разному оценивается политиками и экспертами. Одно из набирающих силу направлений мысли постулирует, что биполярный мир времён холодной войны уступил место многополярности, и потому двустороннее ограничение ядерного оружия далее невозможно. Эта предпосылка дополняется гипотезой о том, что новейшие вооружения и военные технологии нельзя ограничить прежними методами переговоров и соглашений, которые поэтому тоже следует упразднить. Предлагается сделать акцент на организацию различных многосторонних форумов по созданию благоприятной среды для укрепления ядерного сдерживания, транспарентности и предсказуемости. Однако научный анализ показывает, что обе названные предпосылки необоснованны. Во-первых, несмотря на глубокое сокращение ядерного оружия за последние 30 лет, доля двух ведущих держав в глобальном арсенале таких вооружений почти не уменьшилась, и ядерный ландшафт остаётся во многом двусторонним. Во-вторых, революционизирующее воздействие прогресса военных технологий не оказывается чем-то новым, но представляет собой обычное явление, которое регулярно повторялось в истории. Опыт пяти десятилетий убедительно продемонстрировал, что контроль над вооружениями может успешно осуществляться, если на высшем государственном уровне есть политическая воля к достижению соглашений по ограничению и сокращению ядерного оружия.

Ключевые слова: ядерное оружие, ограничение и сокращение вооружений, верификация договоров, высокоточные неядерные вооружения, критерий стоимость—эффективность, гиперзвуковые системы, оружие орбитального базирования, средства кибервойны, беспилотные системы, лазерное оружие.

DOI: 10.31857/S0869587320110031

Кризис контроля над ядерным оружием в последнее время стал объектом тревоги высшего руководства России [1]. Хотя сейчас всеобщим вни-

¹ Статья перепечатывается из журнала “Мировая экономика и международные отношения” (2020. № 6. С. 9–23).

АРБАТОВ Алексей Георгиевич — академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

манием завладела пандемия, рано или поздно она пройдёт. Но ядерное оружие никуда не денется, и вместе с ним останется угроза несопоставимо более страшного бедствия — ядерной войны. Нынешний 2020 год — решающий момент в новейшей истории контроля над вооружениями.

Это последний год, когда ещё остаётся возможность сохранить эффект Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), например, на основе российской инициативы о моратории на развёртывание таких ракет в Европе. Это также и последний год, когда Россия и США ещё могут договориться о продлении действия Договора по стратегическим наступательным вооружениям (ДСНВ-3), срок которого истекает в 2021 г. Наконец, это год очередной, причём юбилейной, Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Ко-

гда она состоится, её итоги во многом определяют судьбу этого ключевого договора, а вслед за ним и будущее Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ОДИН ПРЕДМЕТ

В мышлении профессионального стратегического сообщества в России и за рубежом кризис контроля над вооружениями наконец-то занял центральное место. Только вот отношение к этому явлению весьма разное.

Есть немало специалистов в военных ведомствах и оборонной промышленности, ассоциированных с ними исследовательских центрах и органах СМИ, которые вздохнули с облегчением. Они полагают, что закончилось “смутное время”, когда не было явного внешнего врага, отрицалась угроза нападения извне, а роль военной мощи, и более всего ядерного оружия, казалась маргинальной и расплывчатой. Для них всё снова стало ясно: есть понятный (и традиционный) противник, военная угроза по его вине растёт, ядерную войну – как и любую другую – можно выиграть, а договоры по контролю над вооружениями мешают создавать оружие для победы и смущают наивных людей [2; 3; 4, с. 6; 5, с. 6, 7; 6].

Но есть и другой взгляд на кризис, который исходит из предпосылки, что он стал неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появления революционных военных технологий, которые упразднили прежние методы контроля над ядерным оружием. Однако авторы данного подхода не теряют оптимизма и охотно транслируют его государственным деятелям, утверждая, что стратегическую стабильность и безопасность можно строить без формальных договоров по ограничению конкретных систем оружия [7]. Новая политика, по их мнению, “должна основываться как на углублённых многоуровневых диалогах между ведущими ядерными державами, выработке правил игры в областях, где прямое военное столкновение наиболее вероятно, так и на фундаментальном пересмотре самой философии укрепления стратегической стабильности. Вместо того чтобы пытаться преодолеть ядерное сдерживание посредством сокращения вооружений и разоружения, необходимо согласованно и многосторонне его укреплять” [8]. Похожие идеи высказываются на весьма высоком уровне и за рубежом [9, 10]. В их числе “новая парадигма, которая продвинется дальше прежнего контроля над вооружениями... должна быть сформирована созданием постоянной комиссии России–США по ядерному оружию и её расширением на стратегическое и тактическое ядерное оружие и все ядерные государства” [11, р. 1–3].

Благовзвучная фразеология сторонников этого подхода затуманивает его суть. Однако есть в России и прямолинейные откровения по данному поводу: “Контроль над стратегическими вооружениями – это труп, который невозможно оживить... Мы объективно заинтересованы в максимизации роли ядерного оружия. Подобная оценка допускается пролиферацией ядерных технологий, которые в любом случае будут распространяться. Это лишь вопрос времени, когда такая заинтересованность будет осознана руководством нашей страны и трансформирована в соответствующие доктринальные установки” [12].

На столь плодородной почве создано много мифов о диалектике ядерных вооружений и переговоров об их ограничении. Рассмотрим наиболее яркие примеры единства и борьбы противоположностей в области развития военных технологий и эволюции контроля над вооружениями в историческом разрезе и на обозримое будущее.

НОВОЕ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Главный довод сторонников “фундаментального пересмотра философии стратегической стабильности” состоит в том, что новейшие военные технологии и изменившийся миропорядок упраздняют традиционный контроль над вооружениями: “Трансформация военно-стратегического ландшафта включает в себя два основных измерения – военно-технологическое и геополитическое. Первое заключается в том, что технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается... Геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта заключается в окончании эпохи, когда две ядерные сверхдержавы ориентировались в своей ядерной политике исключительно друг на друга... и дальнейшее ограничение СЯС² только России и США без учёта третьих ядерных держав невозможно” [8].

Хотя для неспециалистов всё выглядит убедительно, профессиональный анализ показывает, что, во-первых, в нынешних технических новациях нет ничего беспрецедентного, а во-вторых, военно-технические прорывы в прошлом бывали намного более значительными, чем нынешние, но переговорам по ограничению вооружений удавалось брать их под контроль.

Не говоря даже о создании ядерного оружия в 1940-х годах, развитие баллистических ракет средней, а затем межконтинентальной дальности в 1950-е годы совершило переворот в военных доктринах, стратегиях и подходах к разоружению.

² СЯС – стратегические ядерные силы.

США обладали непревзойдённой воздушной мощью (их 1850 тяжёлых и средних бомбардировщиков были способны в одном налёте обрушить 4700 ядерных бомб на СССР, КНР и их союзников [13] и за несколько часов убить 275 млн человек [14]). Но эта мощь вдруг оказалось обесцененной: в исследовании корпорации РЭНД по заказу ВВС [15] был сделан вывод, что авиация США может быть разом уничтожена внезапным ударом нескольких десятков ядерных баллистических ракет по 60 аэродромам её базирования.

В 1960-е годы развернулась беспрецедентная гонка США и СССР по стратегическим ракетам наземного и морского базирования, которая поначалу породила американскую концепцию разоружающего (контрсилового) ракетного удара [16]. К 1967 г. американские стратегические ядерные силы увеличились по числу ракет в 40 раз (!) [17]. С середины 1960-х годов в стратегический баланс вторглись программы противоракетной обороны Советского Союза, а следом и Соединённых Штатов. Тогда казалось, что это раз и навсегда поставило крест на возможности ядерного разоружения, о котором в 1950-е годы шли горячие, но бесплодные дебаты в ООН.

Однако скорее, чем можно было предположить, в обеих державах возобладал здравый смысл. В 1967 г., предвидя формирование паритета по стратегическим ракетам двух держав, тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара в своей речи в Сан-Франциско заявил, что обе стороны обрели возможность “навлечь неприемлемый ущерб на агрессора, даже после принятия на себя его первого удара” [18, р. 57]. При этом он подчеркнул: “Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие–противодействие делает её глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы” [18, р. 62].

Всего через пять лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1), подписанных на Московском саммите СССР–США в мае 1972 г. Системы ПРО обеих сторон были ограничены двумя районами базирования (далее по протоколу 1975 г. – одним по 100 антиракет), а наращивание наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) было остановлено по факту на 1972 г. США решили строить ПРО вокруг базы МБР “Минитмен”, а СССР – вокруг Москвы, а по ракетам Советский Союз получил 25%-е преимущество перед США (2350 и 1710 ракет соответственно) [19, р. 11, 87].

Но не успели высохнуть чернила на документах 1972 г., как военно-технический прогресс вновь перевернул стратегические отношения сторон. По инициативе США с начала 1970-х годов развернулось интенсивное введение в боевой состав держав морских и наземных стратегических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Это повлекло 5-кратный рост числа ядерных боеголовок при неизменном количестве носителей. Ещё важнее, что многозарядные ракеты создали вполне предметную и адекватно моделируемую возможность нанести первый разоружающий удар. Отныне паритет по носителям и боеголовкам не исключал такую угрозу. Попытки в последний момент остановить системы РГЧ на переговорах по ОСВ-1 провалились [20, р. 180].

Тогда казалось, что угроза войны неотвратима, поскольку одна многозарядная ракета могла поразить несколько пусковых шахт с ракетами противника, оснащёнными ещё большим числом боеголовок³. Либералы на Западе называли эту ситуацию “ракетным безумием” [21]. Контроль над вооружениями как будто был обречён – ведь национальные технические средства (разведывательные спутники) могли наблюдать стартовые шахты, но не боеголовки на установленных в них ракетах.

Другой глубокий технический прорыв был обусловлен созданием в конце 1970-х годов компактных высокоточных крылатых ракет воздушного, морского и наземного базирования средней дальности (КРВБ, КРМБ и КРНБ соответственно). Вдобавок к системам РГЧ, они ещё больше увеличили количество ядерных боезарядов в стратегических силах (на тяжёлых бомбардировщиках – ТБ) и на морских и наземных средствах средней дальности. Это оружие девальвировало системы ПВО и создало угрозу ядерного удара с минимальным временем предупреждения благодаря своей низковысотной траектории. Тем более неразрешимой казалась проблема контроля над этими системами из-за их малых габаритов и невозможности различить системы в ядерном и обычном снаряжении.

Но проблему удалось решить поэтапно. Первая попытка была сделана на переговорах по Договору ОСВ-2 1979 г. В итоговом документе стороны договорились ограничить общее число стратегических носителей (включая ТБ) потолком в 2250 ед., но гораздо важнее, что Договор регламентировал структуру СЯС⁴. Согласованные

³ То есть схематично одной ракетой с 10 боеголовками можно поразить 10 ракет противника со 100 боеголовками.

⁴ Разрешалось иметь в сумме не более 1320 ракет с РГЧ и тяжёлых бомбардировщиков с КРВБ, в том числе не более 1200 морских и наземных ракет с РГЧ и не более 820 многозарядных наземных МБР [19].

уровни были пределами, но не диктовали сторонам реальную равную численность систем разного типа. Сами по себе единые для сторон потолки ОСВ-2 и последующих договоров были ориентирами предсказуемости и транспарентности ядерного баланса. Качественные ограничения были не менее важны: на максимальное число боезарядов и КРВБ на существующих и будущих типах ракет и бомбардировщиков, на число разрешённых новых типов ракет (не более одной МБР лёгкого типа) [19]. Опираясь на национальные технические системы контроля (в основном спутники разведки, воздушные и морские радиоэлектронные средства), стороны начали регулярный обмен данными по всем договорным параметрам. Хотя Договор ОСВ-2 не был ратифицирован в США из-за ввода советских войск в Афганистан, стороны обязались его не нарушать, и этот мораторий соблюдался до конца 1986 г., сохраняя предпосылки для продолжения диалога.

Качественный скачок произошёл с заключением в 1991 г. Договора СНВ-1, по которому число носителей сокращалось примерно на 30%, а боезарядов – на 40%⁵. Были согласованы беспрецедентные качественные ограничения разных систем оружия, обширный режим транспарентности и интрузивные методы контроля РГЧ на ракетах (включая осмотр боеголовок в головных частях ракет, снижение ракетного забрасываемого веса, запрет на шифрование телеметрической информации при ракетных испытаниях и обмен ею). Это положило начало продвижению вперёд по Договору СНВ-2 (1993 г.), Рамочному соглашению СНВ-3 (1997 г.), Договору по стратегическим наступательным потенциалам – СНП (2002 г.). В итоге по Договору СНВ-3 (2010 г.) удалось сократить общее число боеголовок стратегических сил примерно до уровня, предшествовавшего “ракетному безумию” – развёртыванию систем РГЧ с начала 1970-х годов.

Подрывное воздействие крылатых ракет тоже удалось взять под контроль. Сначала по Договору РСМД (1987 г.) были полностью ликвидированы КРНБ (вместе с баллистическими ракетами средней и меньшей дальности). Затем по Договору СНВ-1 была ограничена численность КРВБ на бомбардировщиках. Были лимитированы и ядерные КРМБ (потолком по 880 ед.) без режима верификации, на основе политически обязывающего соглашения и уведомлений, которые стороны никогда не нарушали. Таким образом, посредством контроля над вооружениями, эффективность которого сегодня огульно отвергают

сторонники нетрадиционных способов защиты безопасности, крупнейшие технические прорывы 1960–1980-х годов были купированы, а их эффект был фактически обращён вспять.

Однако все упомянутые выше технические прорывы и успехи контроля над вооружениями меркнут по сравнению с историей Стратегической оборонной инициативы (СОИ – “Звёздных войн”) президента Рональда Рейгана. Он объявил её в марте 1983 г., поставив цель “создать средства, которые сделают ядерные вооружения бессильными и устаревшими”. В последующие годы эта идея воплотилась в программу исследований, разработок и испытаний, предполагавшую более грандиозную военно-техническую революцию, чем все нынешние технологические инновации вместе взятые.

Она включала новые неядерные (контактно-ударные) перехватчики наземного и космического (“Блестящие камешки”) базирования и системы на новых физических принципах (рентгеновский и химический лазер, пучки направленных нейтральных частиц, гиперзвуковую электромагнитную пушку). Параллельно разрабатывались перспективные инфракрасные и радиолокационные системы обнаружения и сопровождения баллистических ракет для размещения на низких и высоких космических орбитах. Для функционирования этого гигантского комплекса создавались совершенные автоматизированные информационно-управляющие системы наземного и космического базирования [22, 23]. В течение 1985–1989 гг. суммарные ассигнования на СОИ составили 14,7 млрд долл. (на сегодняшний день это было бы около 50 млрд долл. – примерно годовой оборонный бюджет России по её официальной статистике) [24, р. 8–2].

Впоследствии появилось много легковесных суждений о том, что СОИ была всего лишь большим блефом или способом экономического изматывания Советского Союза, но это не имеет ничего общего с действительностью. Программа “Звёздных войн” была совершенно серьёзно направлена на создание многоэшелонной противоракетной обороны с открытой целью девальвировать ракетно-ядерные силы СССР и фактически вернуть ситуацию к положению середины 1950-х годов – времени недосыгаемости США для ядерного оружия.

Дестабилизирующий эффект СОИ был чрезвычайно велик, создавая перспективу небывалой гонки вооружений вплоть до начала 1990-х годов. Советский Союз не собирался оставлять вызов США без ответа. В 1985 г. в СССР был сформирован обширный комплексный план асимметричного ответа в виде программ СК-1000, Д-20 и СП-2000 [25]. Они предусматривали конструкторские работы по ударным космическим систе-

⁵ Потолки Договора составляли 1600 носителей, 6000 боезарядов, в том числе 4900 боезарядов МБР и БРПЛ, включая 1100 ед. для боезарядов МБР на мобильных пусковых установках и 1540 боезарядов на МБР тяжёлых типов.

мам, в том числе противоспутниковому оружию для поражения космических эшелонов СОИ, и создание собственных боевых орбитальных станций. Также ускорились работы по советской системе ПРО (А-135), повышению живучести наступательных ракет и совершенствованию их средств преодоления американской обороны. Именно тогда для обхода космических рубежей СОИ началась разработка ракетно-планирующих гиперзвуковых систем (“Альбатрос”) и подводных автономных аппаратов большой дальности (“Статус-6”), которые 35 лет спустя были обнаружены в России как системы “Авангард” и “Посейдон” [26; 27, с. 28].

Мир стоял на пороге беспрецедентной гонки вооружений на Земле и в космосе по принципиально новым системам оружия. В то время казалось, что это неизбежно разрушит Договор по ПРО и весь основанный на нём контроль над вооружениями. Но жизнь сложилась иначе: с середины 1980-х годов благодаря политике нового советского лидера Михаила Горбачёва началась глубокая разрядка напряжённости. На переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) в Женеве проблемы СОИ и Договора по ПРО постоянно были в центре внимания. Заинтересованность Вашингтона в соглашениях по наступательным ядерным вооружениям стала брать верх над стремлением продвигать СОИ напролом через Договор по ПРО.

Большую роль сыграло также давление демократической оппозиции внутри США и со стороны их союзников по НАТО. Даже продвигая программу СОИ, администрация Рейгана и Пентагон утверждали, что приложенное к Договору по ПРО Согласованное понимание “D” допускало испытания в космосе систем на новых физических принципах (оружие направленной передачи энергии) [24, р. 1–4]. Однако специальная комиссия Сената США под председательством сенатора Сэма Нанна провела тщательное исследование протоколов переговоров и заключила, что испытания в космосе явились бы нарушением Договора по ПРО (ст. V и Согласованного понимания “D”).

В итоге контроль над вооружениями одержал историческую победу: Договор по ПРО выстоял и продержался в общей сложности 30 лет, а программа СОИ была свёрнута, хотя её отдельные элементы были реализованы в последующих американских проектах ограниченной системы ПРО.

Приведённый выше исторический обзор доказывает, что при наличии политической воли на высшем государственном уровне и квалифицированного экспертного сообщества переговоры по ограничению вооружений способны перешагнуть преграды, которые изначально казались непреодолимыми. Для этого дипломати-

ческое творчество поиска компромиссов сочетается с техническими новациями методов контроля, а юридически обязывающие договоры дополняются политически обязывающими соглашениями, мерами доверия и транспарентности.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрим подробнее список военных технологий, которые приводятся скопом как довод в пользу упразднения традиционных методов контроля над вооружениями: “Технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается. Речь идёт о высокоточных вооружениях в неядерном оснащении, способных уничтожить пусковые установки ракет с ядерным оружием и тем самым наносить обезоруживающий удар; о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контрсилового удара; о противоспутниковых вооружениях, выводящих из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении; о космических вооружениях, устраняющих как космические объекты, так и цели на Земле; о кибервооружениях, которые являются оружием массового поражения, поскольку могут повредить критическую инфраструктуру государства, нарушить систему коммуникаций, командования и контроля над вооружёнными силами, вывести из строя спутники и т.д. В перспективе способность нанести стратегический ущерб будет также определяться арсеналом лазерного оружия, обладанием разработками в области искусственного интеллекта” [8]. Теперь попробуем разобраться в этом пугающем вале военных технологий спокойно и по порядку.

Прежде всего о стирании грани между обычными и ядерными вооружениями. Как раньше, так и теперь обычные вооружения и близко не стоят к ядерному оружию по разрушительному эффекту. Это именно так при ударах по высокозащищённым и мобильным целям и ещё в большей мере — при нападении на административно-промышленные центры и объекты. Самый мощный имеющийся ныне обычный боезаряд эквивалентен 10 т тротила, а ядерный заряд минимальной мощности — 300 т⁶. Как известно, при бомбардировке Дрездена авиацией США и Британии 13–15 февраля 1945 г. за 2400 самолётов-летов было сброшено 7100 т бомб, в результате погибло свыше 100 тыс. человек [29]. Указанная суммарная мощность той бомбардировки близка к уровню маломощного современного ракетного

⁶ Речь идёт о ядерной авиабомбе с вариативной мощностью В-61-12.

ядерного боезаряда⁷. Всего одна атомная бомба, сброшенная на Хиросиму в августе 1945 г., имела вдвое бóльшую мощность и принесла примерно такие же потери и ещё большие разрушения (не говоря о том, что помимо ударной волны её поражающими факторами были тепловое излучение, проникающая радиация и радиоактивное заражение местности). Сейчас в мире остаётся ядерный арсенал суммарной мощностью порядка 1600 Мт — примерно 100 тыс. “хиросим”.

С этим заблуждением связан ещё один миф: высокоточные вооружения в неядерном оснащении способны уничтожать пусковые установки ракет с ядерным оружием и тем самым наносить обезоруживающий удар. Действительно, возможности высокоточного оружия большой дальности с опорой на космические средства разведки и навигации, системы самонаведения на цели постоянно растут⁸. Однако оценка дестабилизирующей роли таких систем в стратегическом ядерном балансе Россия—США непомерно преувеличивается. Широкомасштабные военные действия с применением неядерных средств поражения, в отличие от СЯС, требуют длительной (несколько месяцев) подготовки, включающей массированное перебазирование авиации и флота. Это невозможно скрыть, а значит, противоположная сторона имеет возможность привести в полную боевую готовность, рассредоточить и замаскировать свои вооружённые силы, включая ядерную триаду и её информационно-управляющий комплекс.

Кроме того, одновременно поразить шахтные пусковые установки МБР и подземные командные пункты практически невозможно: чрезвычайно сложно скоординировать по времени удары дозвуковыми крылатыми ракетами по целям, рассеянным на обширной территории, системы ПВО будут оказывать активное противодействие (что показала низкая эффективность налёта американских КРМБ даже на Сирию в апреле 2017 г.⁹). По расчётам одного института российского Министерства обороны [29], для поражения одной шахты МБР с вероятностью 95% при точности (круговом вероятном отклонении) крылатой ракеты, равной 5 м, потребовалось бы 14 ракет, а при точности в 8 м — 35 ракет. Иными словами,

⁷ Имеется в виду новая ядерная боеголовка W-76-2 для БРПЛ “Трайдент-2” мощностью в 5 кт.

⁸ Например, это крылатые ракеты (КР) США морского базирования типа “Томахок” (BGM-109), воздушного базирования (AGM-158B, JASSM-ER). Россия тоже наращивает арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа “Калибр” 3М-14, авиационные ракеты типа X-555 и X-101, наземные крылатые ракеты типа 9М728 “Искандер” и 9М729 “Новатор”.

⁹ По российским данным, из 59 выпущенных КРМБ “Томахок” 36 были сбиты сирийской ПВО или отказали в полёте. См.: INTERFAX.RU, 07.04.2017.

при таком нападении у США не хватит крылатых ракет, а у России будет возможность нанести ответный ядерный удар, что предполагается её Военной доктриной и о чём знают в Вашингтоне.

О стирании грани между ядерным и обычным оружием можно говорить лишь условно, в том смысле, что высокоточные неядерные крылатые ракеты могут теперь поражать незащищённые объекты, которые в прошлом можно было уничтожить лишь ядерными средствами: радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО и ПВО, лёгкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжёлые бомбардировщики на аэродромах, пункты связи и управления космическими аппаратами и дальней авиацией и др. Помимо этого, многие средства такого рода и их носители имеют двойное назначение, и их применение до момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара¹⁰. Эта вероятность усугубляется тем, что с другого фланга “ядерный порог” размывается концепциями и средствами ограниченной (избирательной войны)¹¹.

Указанные системы оружия и связанные с ними стратегические концепции весьма опасны, поскольку могут вызвать неуправляемую эскалацию обычного локального конфликта или даже военного инцидента к ядерной войне. Одновременно новые наступательные средства существенно осложняют контроль над вооружениями. Однако утверждение, что они делают его ненужным или невозможным, является в высшей мере спорным.

Ещё один сомнительный тезис состоит в том, что появляются новые средства доставки ядерного оружия, не укладывающиеся в схему традиционной ядерной триады. Как известно, в марте 2018 г. Россия объявила о создании новейших атомных крылатых ракет большой дальности, гиперзвуковых ракетно-планирующих комплексов и беспилотных подводных носителей ядерного оружия. Утверждается, что “их наличие тоже осложняет расчёт стратегического баланса (невозможно определить, скольким традиционным межконтинентальным баллистическим ракетам равна одна гиперзвуковая ракета) и, главное, лишает военного смысла поддержание количественного паритета стратегических ядерных сил” [8].

¹⁰ Это относится к КРМБ “Калибр” РФ и “Томахок” США, авиационным крылатым ракетам типа X-101/102 РФ и AGM-158 США, а также к новым ракетам средней дальности после денонсации Договора РСМД.

¹¹ Например, в США развёртываются БРПЛ “Трайдент-2” с боеголовками пониженной мощности (W-76-2), крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (типа LRSO), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B-61-12) и новые КРМБ в ядерном оснащении [30].

Гиперзвуковые ракетно-планирующие и авиационные системы в неядерном оснащении сейчас разрабатываются в США и, возможно, уже есть в Китае (показанные на параде в 2019 г. ракеты средней дальности DF-17). Старт ракетно-планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого они входят в стратосферу и летят с гиперзвуковой скоростью, маневрируя по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории, чем у МБР и БРПЛ, радары СПРН не могут их сопровождать и обнаружат только за 3–4 мин до падения [31, р. 33–63].

Однако воздействие таких неядерных систем на стратегический баланс неопределенно. Неясно, будет ли достаточна точность наведения этих средств для поражения защищённых объектов (шахты МБР, командные пункты), смогут ли они уничтожить наземно-мобильные системы, для чего потребуются корректировка со спутников и (или) самонаведение летательных аппаратов на конечном участке траектории. Это даст возможность противнику использовать радиоэлектронное противодействие или прямой перехват системами ПВО/ПРО. Наконец, непонятно, будут ли эти дорогостоящие средства развёрнуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу стратегическим силам другой стороны.

На уровне театра военных действий и сил общего назначения, где неизбежное соревнование наступательных и оборонительных систем идёт с переменным успехом, гиперзвуковое оружие может резко усилить нападение (как российские наземные баллистические ракеты “Искандер”, авиационные ракеты типа “Кинжал” или морские противокорабельные ракеты “Циркон”). Но механически переносить этот вывод на стратегический баланс неоправданно. В отсутствие маломагически эффективной системы ПРО, сопоставимой с вышеупомянутым замыслом СОИ, существующие и многократно испытанные ядерные баллистические ракеты России и США способны выполнить все воображаемые задачи ядерного сдерживания, а вклад в эту функцию со стороны гиперзвуковых аппаратов сомнителен. По той же причине гиперзвуковые системы никак не влияют на расчёт стратегического баланса: при использовании баллистических разгонных ступеней МБР (как в российской системе “Авангард”) гиперзвуковой носитель с ядерным или неядерным блоком приравнивается к одной баллистической ракете и одной боеголовке.

Ещё один сомнительный тезис — о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контрсилового удара. Такие разведывательные спутники действительно

регулярно совершенствуются, но главный враг таких систем — законы космической динамики Кеплера и Ньютона, открытые так давно (три с лишним века назад), что о них, видимо, забыли некоторые нынешние теоретики. На предназначенных им низких орбитах разведывательные спутники не могут “висеть” над районами развёртывания мобильных МБР, а со скоростью 7.8 км/сек (быстрее межконтинентальных ракет) проносятся над Землёй, которая сама довольно быстро вращается вокруг своей оси (465 м/сек на экваторе). Поэтому один и тот же спутник возвращается к нужной для разведки зоне с интервалом более 10 часов.

Траектории таких спутников хорошо известны и предсказуемы, что позволяет мобильным ракетам своевременно менять стартовые позиции. При обычном количестве спутников этого вида на орбите (три–четыре) они не способны одновременно засечь местоположение 170 грунтово-мобильных ракет России [32], рассредоточенных на огромной территории, чтобы дать целеуказание для одновременного ядерного или неядерного удара баллистических, крылатых или планирующих гиперзвуковых ракет США. Многократное увеличение численности космической группировки сразу стало бы для другой стороны явным сигналом предупреждения о готовящемся нападении.

Далее в списке новейших технологий, якобы упраздняющих контроль над вооружениями, идут противоспутниковые вооружения, выводящие из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении. В развитии этого вида космического оружия нет ничего нового, а в прошлом оно шло более интенсивно, чем сейчас [25]. В течение 1967–1982 гг. СССР провёл более 20 испытаний специализированных систем перехвата спутников (ИС и ИС–МУ), разрабатывались и другие средства такого рода (“Контакт”, “Каскад”, “Скиф”), в том числе как ответ на американскую программу СОИ (система “Наряд-В”).

В настоящее время против космических аппаратов на низких орбитах противоспутниковые возможности закладываются в зенитные ракетные комплексы С-400 и С-500. В Государственной программе вооружений до 2027 г. (ГПВ-2027) одним из приоритетов обозначена противоспутниковая система “Нудоль” — на основе наземно-мобильной неядерной антиракеты, способной поражать космические объекты на орбитах высотой до 700 км. Кроме России, противоспутниковые системы на основе ракет наземного базирования испытали КНР (2007 г.) и Индия (2019 г.)

В США в 1977–1988 гг. была испытана и развёрнута система воздушного базирования с запуском с истребителя F-15 ракеты “СРЭМ-Альтаир” для поражения спутника прямым попаданием на вы-

сотах до 1000 км. Позже разрабатывалась система на основе ракеты-носителя наземного базирования (Kinetic energy antisatellite — KEAsat). В наибольшей степени готовности — модифицированная корабельная противоспутниковая система “Иджис”, которая на испытаниях в 2008 г. сбила отработавший американский спутник.

Названные системы великих держав не способны сбивать спутники СПРН на высоких орбитах, а потенциал иных способов и средств (как, например, манёвры сближения с космическими аппаратами другой стороны, мини-спутники на базе нанотехнологии) остаётся неопределённым и неиспытанным в близких к боевым условиям.

Конечно, было бы очень полезно запретить или хотя бы ограничить противоспутниковые вооружения. Тем не менее отсутствие прогресса на данном направлении никак логически не предполагает отказа от контроля над вооружениями. Противоспутниковые системы и в прошлом имели потенциально дестабилизирующий характер, но переговоры по сокращению стратегических вооружений достигли больших успехов.

Ещё один аргумент сторонников упразднения контроля над вооружениями — вероятность создания космических вооружений, устранивающих как космические объекты, так и цели на Земле. Тут, что называется, фантазия авторов идёт вскачь, в буквальном смысле отрываясь от земной почвы. Космическая система ПРО не получилась у США во времена программы СОИ и не предвидится в обозримом будущем, что в очередной раз подтвердил официальный американский доклад по ПРО 2019 г. [33]. Наступательные (ударные) системы класса “космос—земля” — тоже не новость и регулярно будоражат воображение фантастов, политиков и широкой общественности. Секретные проекты такого оружия велись в США ещё с начала 1960-х годов¹² (о советских разработках, как обычно, нет никаких достоверных сведений), однако дело не дошло даже до космических испытаний. Позже проводились секретные эксперименты с беспилотным много-разовым миниатюрным космическим аппаратом (мини-шаттлом) X-37В, который теоретически может служить носителем оружия.

Главным препятствием для таких проектов опять-таки служат законы космической динамики, которые не позволяют спутнику постоянно находиться над нужным районом Земли, кроме как на геостационарной орбите (то есть над экватором на высоте 36 000 км). На низких орбитах большинство боевых станций будут в каждый

данный момент пролетать над ненужными зонами Земли, а на высоких — иметь многочасовое подлётное время до целей или низкую эффективность (при использовании систем направленной передачи энергии). В отличие от этого, существующие наземные МБР и БРПЛ на морском дежурстве находятся в постоянной боеготовности и в пределах досягаемости до целей с подлётным временем 30—15 мин.

Также космические ударные средства имеют жёсткие ограничения по массе боевой нагрузки, отличаются исключительно высокой стоимостью и менее надёжной системой управления (отчего спутники периодически теряют связь или падают на Землю). Поскольку речь идёт о космических системах ПРО и наступательных боевых станциях, их придётся размещать на низких орбитах¹³. А на таких орбитах эти ударные комплексы будут уязвимы для разнообразных вышеупомянутых противоспутниковых систем. Наконец, для преодоления космической ПРО уже сейчас создаются ракетно-планирующие гиперзвуковые вооружения (как, например, “Авангард”), а также автономные подводные аппараты большой дальности (“Посейдон”). Если ныне их целесообразность не вполне ясна, то в случае возрождения идеи СОИ, на материализацию которой по прошлому опыту уйдут десятилетия, такие системы будут способны заблаговременно нейтрализовать космическую оборону.

Всё сказанное относится не только к кинетическим ударным средствам, но и к разным системам направленной передачи энергии (НПЭ), в том числе лазерным, которые тоже называют в качестве революционных технологий. На уровне театра военных действий они уже находят применение. Но на уровне стратегического баланса НПЭ не обещают радикальных перемен, кроме использования в качестве противоспутникового оружия, которое рассмотрено выше и которое отнюдь не отменяет нужды в контроле над вооружениями.

Проблемы кибервойны действительно могут оказать воздействие на стратегические отношения держав, однако сейчас далеко не ясно, насколько значительное и какое именно. Относится ли угроза к информационно-управляющим системам стратегических сил или также непосредственно к ядерным вооружениям, как будет идти соревнование кибернападения и киберзащиты? Что способны больше ослабить эти новые технологии: потенциал ответного удара или первого контрсилового удара (который предполагает на много более высокие требования к системам управления)? Может ли кибератака парализовать

¹²К ним относятся проекты частично орбитального бомбардировщика (Fractionally orbital bombardment system), космического планирующего аппарата (Space-Based Gliding Vehicle), многоразового космического маневрирующего аппарата (Space Maneuvering Vehicle).

¹³Иначе в первом случае невозможно перехватывать ракеты на разгонном участке траектории, а во втором — подлётное время ударных средств до целей будет слишком велико.

ответный удар или спровоцирует спонтанное применение всех ядерных средств? Насколько возможно полагаться на кибератаку против стратегических сил противника, если её эффективность нельзя проверить в близких к боевым условиях и если вероятный ответный киберудар непредсказуем по последствиям?

Так или иначе прямой негативной или позитивной взаимосвязи названной технологии с контролем над вооружениями не просматривается. Ясно лишь одно: сейчас возможность согласованного ограничения средств информационной войны сомнительна, но уход от контроля над вооружениями наверняка исключит взаимодействие ответственных держав в этой сфере в будущем.

Наконец, ещё один довод в пользу невозможности традиционного подхода к контролю над вооружениями состоит в том, что современный военно-технический прогресс настолько интенсивен, что прежний процесс многолетних переговоров просто не способен за ним угнаться. Но и это суждение кажется убедительным лишь на первый взгляд.

Как правило, инновационные военные технологии в прошлом и теперь требуют нескольких десятков лет для своего развития, пока не выйдут на авансцену стратегических отношений государств и переговоров по контролю над вооружениями. Все новейшие вооружения, находящиеся сейчас в центре общественного внимания, возникли не сегодня и не вчера. Противоспутниковое оружие испытывалось обеими державами ещё в 1960–1980-е годы, и с тех пор ничего принципиально нового пока не развёрнуто ни одним из государств. Лазерные системы и проекты космического оружия вышли на авансцену мировой военной проблематики вместе со “Звёздными войнами” Рейгана в 1983 г. Подводные атомные суперторпеды большой дальности (как “Посейдон”) и гиперзвуковые ракетно-планирующие аппараты (“Авангард”) создавались в СССР ещё с начала 1980-х годов, а в России эти проекты возобновились с середины 2000-х. Соединённые Штаты испытывали аналогичные гиперзвуковые системы в неядерном оснащении в 2010–2013 гг. (HTV-2 и ANW), но до сих пор не довели их до развёртывания. Межконтинентальные крылатые ракеты с атомным двигателем разрабатывались ещё в 1960-е годы, но были признаны в США бесперспективными, а ныне в России сталкиваются в своем развитии с большими проблемами (“Буревестник”). Ядерные боезаряды пониженной мощности продвигались администрацией США в середине 2000-х годов. Средства кибервойны широко обсуждаются после атаки на иранскую атомную промышленность в 2010 г.

Таким образом, проблема не в быстром военно-техническом прогрессе, а в замедлении про-

цесса переговоров по ограничению вооружений. После исторических прорывов в 1987–1997 гг. разоружение смещалось к периферии тематики международной безопасности, поскольку угроза ядерной войны между великими державами казалась немыслимой. К отказу от достигнутых огромными усилиями соглашений стали относиться как к тривиальности (выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и нежелание ратифицировать ДВЗЯИ, приостановка участия России в ДОВСЕ¹⁴ в 2007 г.). Договоры СНП (2002 г.) и СНВ-3 (2010 г.) вырабатывались как бы по инерции, маргинально понижая потолки на носители и боезаряды и расслабляя правила их засчёта и меры верификации. В течение полутора десятилетий самоуспокоенности ничего не делалось для адаптации контроля над вооружениями к прогрессу военных технологий. За редкими исключениями, политики и эксперты всё меньше задумывались о конечных ориентирах сокращения ядерного оружия (процесс подменил цель), о пределах снижения потенциалов (чтобы ядерная война по разрушительным последствиям не стала мыслимой) и о практических альтернативах отношению ядерного сдерживания.

На этом фоне резкое обострение международной напряжённости во втором десятилетии XXI в. застало врасплох всю систему контроля над вооружениями, а накопившиеся за многие годы военно-технические инновации быстро перегрузили политическую готовность к переговорам и интеллектуальные ресурсы ведущих государств. Поэтому и в данном ракурсе проблема не в технике, а в политике. Если под разными предлогами 10 лет не вести переговоров и не видеть стоящих перед ними серьёзных задач, то нечего удивляться, что новые системы оружия выходят из-под контроля и разрушают договорно-правовое здание ядерного разоружения.

Вторая часть доводов за отказ от контроля над вооружениями — геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта [8]. Этот аргумент тоже вызывает серьёзные возражения. Никто и никогда не предложил каких-либо разумительных вариантов многостороннего ограничения ядерных вооружений, и эта идея была и есть не более чем предлог для отказа от двустороннего формата. В формирующемся полицентричном миропорядке ядерный ландшафт остаётся преимущественно биполярным (в 1990–2020 гг. доля двух сверхдержав в глобальном ядерном арсенале сократилась с 98 до 91%) [34].

Неопределённость есть лишь в отношении Китая, который имеет финансовые и промышленные возможности существенно (в разы) нарастить свой ядерный арсенал, но при этом скры-

¹⁴ДОВСЕ — Договор об обычных вооружённых силах в Европе.

вает любую информацию о его размере. В принципе привлечение КНР к контролю над вооружениями возможно [35], но для достижения практических соглашений США и России пришлось бы пойти на существенно большие уступки, чем Китаю, а к этому обе сверхдержавы не готовы. В любом случае без восстановления российско-американского диалога переход на трёхсторонний или, тем более, многосторонний формат совершенно нереален. Поэтому, вопреки идеям приверженцев отказа от контроля над вооружениями, возврат к двусторонним переговорам Москвы и Вашингтона является необходимым условием расширения этого формата в будущем.

СТАБИЛЬНОСТЬ: КАК ОБНОВИТЬ КОНЦЕПЦИЮ

Основой контроля над ядерными вооружениями в последние 30 лет служила концепция “стратегической стабильности”, которая была сформулирована как правовая норма в июне 1990 г. в Совместном Заявлении Советского Союза и Соединённых Штатов [36]. Это понятие определялось как стратегические отношения сторон, устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов: взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны); уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо большим числом боезарядов); оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Важно подчеркнуть, что эта концепция была разработана не как мечта о светлом будущем, а в качестве основы переговоров о Договоре СНВ-1 (1991 г.), в сложнейших положениях которого воплощены все принципы этой концепции. В дальнейшем они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993 г.), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997 г.), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и обороны театра военных действий (1997 г.) и текущем Договоре СНВ-3 (от 2010 г.). В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит намного более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов.

Взамен прежней концепции стратегической стабильности сторонники упразднения контроля над вооружениями предлагают идею “многосторонней стратегической стабильности”, которая подразумевает “состояние отношений между великими ядерными державами, при котором исключено их любое военное столкновение друг с другом — как намеренное, так и непреднамеренное, поскольку всякое такое столкновение способно перерасти в глобальную ядерную войну” [8]. А средствами достижения этой прекрасной цели считается не ограничение и сокращение ядерных вооружений, а «комплексные, концептуальные и не ориентированные на достижение быстрых договорённостей диалоги в “тройке” Россия–КНР–США по фундаментальным вопросам многосторонней стратегической стабильности в целом. Они могут касаться оценки военно-стратегической ситуации в мире и перспектив её развития; определения и философии стратегической стабильности в новых условиях; механизмов сдерживания, доверия, предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений; ядерных доктрин и приоритетов развития вооружённых сил» [8].

Детально рассматривать этот сумбур благих пожеланий — дело неблагодарное и бессмысленное. Но если практика остаётся критерием истины, авторам названной концепции следовало бы задуматься над вопросом: каков итог таких отвлечённых диалогов по стратегической стабильности в формате Россия–США, КНР–США, “Большой пятёрки”¹⁵ и на других официальных и экспертных форумах, которые продолжались в последние 10 лет? Ведь в течение этого периода предложенный новый подход как бы проходил “полевые” испытания — не велось никаких переговоров по контролю над вооружениями, а система заключённых ранее договоров неуклонно разваливалась. Очевидно, что достижения такого новаторства оказались равны нулю, а “риск непреднамеренного ядерного конфликта или обострения конфликта неядерного имеет тенденцию к росту” [8], как признают сами авторы пересмотра концепции стабильности.

Другое дело, что 30 лет спустя после документа 1990 г. концепция стратегической стабильности требует обновления с учётом изменившихся условий и новых угроз. В прежней концепции стимулы для первого ядерного удара по умолчанию понимались, во-первых, как способность нанести массированный разоружающий удар по другой стороне, во-вторых, как упреждающий ядерный удар из страха перед разоружающей атакой оппонента. В этом был и остаётся фундамент стратеги-

¹⁵ Речь идёт о регулярных сессиях России, США, КНР, Великобритании и Франции по вопросам разоружения, которые ведутся с 2007 г.

ческой стабильности, и его необходимо сохранить при любых условиях.

Но впрямь этого недостаточно, поскольку стимулом для первого ядерного удара может стать нападение с применением высокоточных обычных систем оружия против ядерных сил оппонента. Другой возможный стимул – это вероятность применения ядерного оружия с целью избежать поражения в неядерном конфликте. Такой сценарий присутствовал и раньше, но имелась в виду широкомасштабная война и массированное применение ядерного оружия (прежде всего тактического) [27, с. 28].

Теперь первое использование ядерного оружия допускается и в локальных (региональных) конфликтах. Вашингтон вменяет Москве планирование ограниченного его применения в рамках концепции “эскалации ради дээскалации” [37] и противопоставляет ей свои аналогичные концепции и системы ядерного оружия пониженной мощности [38]. Российское руководство предупреждает, что на “любое применение ядерного оружия против России или её союзников малой, средней, да какой угодно мощности... ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями” [39]. Однако на официальном уровне Москва пока не сделала безоговорочного заявления об отсутствии у неё планов ограниченных ударов и не публикует никакой информации о мощности своих ядерных боезарядов.

Указанные стратегические новации чреватy быстрой и неуправляемой эскалацией войны к массированному обмену ядерными ударами с катастрофическими последствиями. Поэтому обновлённая версия сути стратегической стабильности должна подразумевать такое состояние стратегических отношений сторон, при котором устраняются стимулы для первого применения ядерного оружия (имея в виду как массированный, так и ограниченный удар), и принимать во внимание расширенный спектр возможных стимулов такого рода.

ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Понятно, что контроль над ядерными вооружениями не может прямо определять оперативные военные планы государств. Но он способен, как и раньше, косвенно влиять на них, например, охватывая высокоточные системы обычного оружия и средства ограниченной ядерной войны. Прежде всего это относится к неядерным крылатым ракетам большой дальности. В потолок на стратегические боезаряды следующего договора СНВ следует включить любые (ядерные и обычные) ракеты воздушного базирования свыше определённой дальности (более 600 км). Вопрос можно решить путём возврата к их зачёту по со-

гласованному или реальному оснащению бомбардировщиков и проверок на аэродромах, как предусматривали договоры СНВ-1 и СНВ-2.

Наземные ракеты свыше определённой дальности (500 км), включая атомную межконтинентальную ракету “Буревестник”, ещё проще запретить или количественно ограничить на основе тех же мер верификации, которые были включены в Договор РСМД (от 1987 г.). Положительный эффект того Договора можно сохранить через принятие предложенного Москвой в конце 2019 г. моратория на развёртывание таких ракет в Европе. Для этого нужно снять взаимные претензии по его соблюдению применительно к российской крылатой ракете типа 9М729 (которой приписывают дальность более 500 км) и американским пусковым установкам ПРО в Румынии и Польше (в которых предположительно могут размещаться КРМБ “Томахок”) путём согласования инспекций на местах [40].

С морскими крылатыми ракетами дело намного сложнее из-за мобильности и скрытности их носителей и универсальности пусковых установок, которые на кораблях приспособлены и для запуска ракет ПРО/ПВО, а на подводных лодках используют торпедные аппараты. Поэтому данная тема требует дальнейшей проработки.

Наибольший ажиотаж сейчас связан с гиперзвуковыми планируемыми системами (российская система “Авангард” и системы программы “Быстрого конвенционального глобального удара” США). При согласии сторон их ограничить возможность контроля этих систем не станет преградой. Они разгоняются баллистическими ракетными ступенями и в плане верификации должны быть включены – наряду с баллистическими ракетами – в будущие потолки СНВ, а также (при создании систем средней дальности) под запреты или потолки нового ДРСМД, если такие договоры будут заключены. Именно такой прецедент создала Россия, объявив, что её новая гиперзвуковая система “Авангард” приравнивается к МБР и подлежит аналогичному зачёту по СНВ-3. Отметим, что все упомянутые выше носители согласно практике договоров СНВ/РСМД должны включаться независимо от вида боезарядов (ядерные или обычные), что значительно упростит их верификацию.

Против ограничения неядерных крылатых и иных ракет выдвигается аргумент, что они нужны державам для локальных военных операций. Однако опыт войн в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии показывает, что они применялись в небольших количествах (максимум сотни единиц). Большое число таких средств (тысячи) может потребоваться великим державам только для ударов друг по другу, что противоречит идее стратегической стабильности и как раз должно

быть ограничено соглашениями по контролю над вооружениями.

Применительно к ядерному оружию для избирательного использования достижение соглашений — гораздо более трудная задача. Но и она разрешима косвенным путём, например, через ограничение ядерных авиабомб на стратегических бомбардировщиках. Баллистические и крылатые ракеты с боезарядами пониженной мощности будут подпадать под ограничения соответствующих соглашений СНВ и ДРСМД. При достижении новых договоров по разведению и сокращению вооружённых сил общего назначения (по типу ДОВСЕ) откроется возможность ограничения тактического ядерного оружия (например, его отвода в централизованные хранилища на национальной территории и закрытия передовых войсковых баз, что переведёт это оружие в разряд неразвёрнутых средств).

Понятно, что, как и прежде, включение в договоры тех или иных вооружений не исключает их боевого применения. Тем не менее количественные и качественные ограничения систем оружия, меры транспарентности, доверия и предсказуемости ощутимо сковывают в политическом отношении свободу их подготовки и использования для развязывания войны.

Перспективы запрета или ограничения космических вооружений — ещё более сложная задача, которую не удалось решить даже в лучшие годы контроля над ядерным оружием. Возможность их запрещения пока не просматривается, но угрозу космической гонки вооружений можно снизить, начав в качестве первого шага с запрещения новых испытаний любых ударных противоспутниковых систем по реальным мишеням в космосе [41]. Это заметно повысит живучесть важнейших космических систем предупреждения о ракетном нападении России и США на высоких орбитах и замедлит засорение ближнего космоса техногенным мусором, опасным для космической деятельности всех стран.

Проблемы согласования и верификации запретов или ограничений систем кибервойны сейчас кажутся неразрешимыми, но пока можно надеяться, как минимум, на целенаправленный диалог России и США для заключения взаимного политически обязывающего отказа от кибератак на стратегические информационно-управляющие системы друг друга для предотвращения непреднамеренного обмена ядерными ударами. В этом смысле можно использовать опыт обязательств великих держав о ненацеливании ядерных ракет друг на друга, что нельзя проверить, но осуществляется на практике и имеет стабилизирующий политический эффект.

Не менее непредсказуемо влияние на стратегическую стабильность со стороны искусствен-

ного интеллекта. Однако возможность охвата соглашениями вероятных автономных ударных систем, оснащённых искусственным интеллектом (например, новой российской суперторпеды “Посейдон”), зависит не от их системы управления. Это в политическом отношении будет определяться готовностью держав включить их в повестку переговоров, а в техническом — от типа носителей, их базирования, максимально испытанной дальности и вида боезаряда. В этом смысле ограничения, например, автономных ядерных торпед “Посейдон” не труднее проверить, чем нынешние баллистические ракеты морского базирования.

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИКА

Безусловно, возможности договорно-правовых методов в обуздании гонки вооружений не безграничны. Например, в прошлом не было найдено способов ограничить точность ядерных вооружений, их мощность и скорость, различать ядерное и обычное оснащение систем двойного назначения, контролировать морские крылатые ракеты и тактическое ядерное оружие. Тем не менее за прошедшие полвека контроль над вооружениями одержал великие исторические победы, и впредь ему нет замены в качестве стержня международной безопасности.

Недопустимо отказываться от движения по опробованным направлениям ограничения вооружений и сохранения подписанных договоров (ДСНВ, ДРСМД, ДНЯО, ДВЗЯИ и др.), если некоторые новейшие военные технологии пока не поддаются контролю, вроде киберсредств и беспилотников. А без прогресса на магистральном пути контроля над вооружениями никогда не удастся ни найти способов ограничения инновационных военных технологий, ни перейти к многостороннему формату соглашений в этой сфере.

Главные причины нынешнего системного кризиса контроля над вооружениями не в новых военных технологиях и не в изменившейся ядерной геополитике, хотя эти факторы создают немалые сложности. Однако корень проблемы кроется в политических настроениях и приоритетах высших эшелонов власти ведущих государств. В начале 2000-х годов нынешняя генерация политических элит и государственных деятелей получила построенную за много десятилетий систему контроля над ядерным оружием так сказать даром, принимает это наследство как должное, не сознаёт его ценности и очень смутно представляет себе мир без контроля над вооружениями. Не имеет она и опыта десятилетий дорогостоящих, опасных и по большей части бесплодных циклов гонки вооружений.

Но тем больший вред проистекает от теории о том, что “прежнее понимание стратегической стабильности как отсутствия у России и Соединённых Штатов стимула нанести первый ядерный удар друг по другу уже не отражает положения вещей. Равным образом прежняя политика по её укреплению – посредством поддержания количественного паритета стратегических ядерных сил и их последовательного верифицируемого сокращения... – перестаёт быть эффективной...” [8].

Нынешнему поколению политических элит и руководителей внушают, что всеобъемлющий кризис контроля над вооружениями закономерен и не так уж опасен. Что можно обойтись без изнурительных многолетних переговоров, которые требуют больших усилий за дипломатическим столом и ещё более трудного улаживания внутренних конфликтов между государственными ведомствами и лоббирующими группировками. Казалось бы, насколько легче и приятнее вести дипломатию по ядерной тематике, произнося речи на международных форумах и не преследуя цели достижения конкретных договоров со всеми их юридическими тонкостями и техническими нюансами. Проблема лишь в том, что такой путь никогда не принесёт плодов.

Международная безопасность невозможна без стратегической стабильности, а стабильность недостижима без договоров по ограничению и сокращению конкретных вооружений и военных технологий. Прежние лидеры великих держав убедились в этом на собственном тяжёлом опыте, и их нынешней смене, видимо, придётся повторить этот путь, если он не прервётся глобальной катастрофой. В прошлом для прекращения гонки вооружений и окончания холодной войны потребовались большие и долгие усилия руководящих кругов и заинтересованной общественности СССР, США и других стран. Впредь для восстановления системы контроля над вооружениями понадобятся не меньшие политические и интеллектуальные инвестиции со стороны ответственных держав мира.

Более полувека назад в заключение своей знаменитой речи в Сан-Франциско, заложившей концептуальную основу контроля над ядерным оружием, Роберт Макнамара заявил: “В конечном итоге истоки безопасности человека не в вооружениях, а в его сознании. В чём нуждается мир на третьем десятке лет Атомного века, так это не в новой гонке к вооружениям, а в новой гонке к благоразумию. Для всех нас было бы лучше принять участие в этой гонке” [18, р. 67]. Наверное, эти слова никогда не были столь актуальны, как сейчас – на восьмом десятилетии ядерной эпохи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

ЛИТЕРАТУРА

1. Церемония вручения верительных грамот. 5 февраля 2020 г., Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62732> (дата обращения 20.02.2020).
2. Colby E. If You Want Peace Prepare for Nuclear War // Foreign Affairs. 2018. V. 6. P. 25–32. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-15/if-you-want-peace-prepare-nuclear-war> (дата обращения 02.02.2019).
3. Joint Publication 3–72, Nuclear Operations. Joint Chiefs of Staff, 11 June 2019. https://fas.org/irp/dod-dir/dod/jp3_72.pdf (дата обращения 19.02.2020).
4. Кетонов С. Американский “Авангард” не существует даже на бумаге // Военно-промышленный курьер. 2019. 4 июня. <https://vpk-news.ru/articles/50604> (дата обращения 19.02.2020).
5. Широкоград А. Оружие Судного дня // Независимое военное обозрение. 2019. № 19. С. 6, 7.
6. Сивков К. “Хвасон” – пример для “Сармата” // Военно-промышленный курьер. 2018. 23 октября. <https://vpk-news.ru/articles/45824> (дата обращения 20.02.2020).
7. Караганов С., Суслов Д. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. Доклад, 21 мая 2019 г. http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (дата обращения 27.02.2020).
8. Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2019. № 4. С. 22–37. <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (дата обращения 23.02.2020).
9. Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND). Working paper submitted by the United States of America. <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (дата обращения 25.02.2020).
10. Deuxieme session du Comite preparatoire de la Conference d’examen du Traite sur la non-prolifération des armes nucleaires de 2020 (Geneve, 23 avril–4 mai 2018). Intervention de Madame Alice Guitton, Representant permanent de la France aupres de la Conference du desarmement, Chef de la delegation francaise Geneve, le 23 avril 2018. <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-new1.pdf> (дата обращения 23.02.2020).
11. Moon W. Beyond Arms Control: Cooperative Nuclear Weapons Reductions – A New Paradigm to Roll Back Nuclear Weapons and Increase Security and Stability // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2020. V. 3. P. 92–114. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/25751654.2020.1732516> (дата обращения 19.03.2020).
12. Хазбиев А. Система контроля над СНВ – это труп, который невозможно оживить // Эксперт. 2020.

- № 4. 14 января. <https://expert.ru/2020/01/14/sistema-kontrolya-nad-snv-eto-trup-kotoryij-nevozmozhno-ozhivit/> (дата обращения 19.03.2020).
13. *Kaplan F.* The Wizards of Armageddon. New York: Simon and Schuster, 1983.
  14. *Ellsberg D.* The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner. New York: Bloomsbury, 2017.
  15. *Wohlstetter A., Hoffman F., Lutz R., Rowen H.* Selection and Use of Strategic Air Bases. RAND Corporation, April 1954. <https://www.rand.org/pubs/reports/R0266.html> (дата обращения 19.03.2020).
  16. Department of State Bulletin, V. XLVII, No. 1202. Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs, 1962. <https://books.google.ru/books?id=pZJH-AQAAMAAJ&pg=PA46&lpg=PA46&dq=department+of+state+bulletin+vol+xlvi+no+1202+office+of+public+communication+bureau+of+public+affairs+1962&source=bl&ots=c1QxF63PEZ&sig=ACfU3U3R7ZLpUhmXdAmV2AOfpQz9ugc-DiQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEWjm6Lf14K3oAh-Vc6qYKHW16C1EQ6AEwAHoECAgQAQ#v=onepage&q=department%20of%20state%20bulletin%20vol%20xlvi%20no%201202%20of-office%20of%20public%20communication%20bureau%20of%20public%20affairs%201962&f=false> (дата обращения 22.03.2020).
  17. *Bal D.* Politics and Force Levels of The Strategic Missile Programme of the Kennedy Administration. Los Angeles: University of California Press, 1980.
  18. *McNamara R.* The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper & Row, 1968.
  19. *Labrie R.* SALT Handbook. Key Documents and issues 1972–1979. Washington: AEI Press, 1979.
  20. *Newhouse J.* Cold Dawn: The Story of SALT. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
  21. *Scoville H., Osgood R.* Missile Madness. Boston: Houghton Mifflin, 1970.
  22. Ballistic Missile Defense Technologies, U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1985. <https://ota.fas.org/reports/8504.pdf> (дата обращения 27.02.2020).
  23. SDI: Technology, Survivability, and Software, U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1988. <https://ota.fas.org/reports/8837.pdf> (дата обращения 25.02.2020).
  24. Report to the Congress on the Strategic Defense Initiative, 1989. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. March 13, 1989.
  25. *Dvorkin V.* Space Weapons Programs. Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Arbatov A., Dvorkin V., eds. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 30–45.
  26. *Рамм А., Корнев Д.* Альбатрос мировой революции — часть 1 // Военно-промышленный курьер. 2015. 23 сентября. <http://www.vpk-news.ru/articles/27160> (дата обращения 25.02.2020).
  27. *Гриневский О.* Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: Олимпия, 2004.
  28. *Дворкин В.* Мировой Договор // Новая газета. 2019. 10 ноября. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/10/82673-mirovoy-dogovor> (дата обращения 25.02.2020).
  29. *Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М.* По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 2015. 19 октября. <http://vpk-news.ru/articles/27617> (дата обращения 19.03.2020).
  30. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, February 2018. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018> (дата обращения 01.02.2020).
  31. *Acton J.* Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. <http://carnegieendowment.org/publications/?fa=52778> (дата обращения 25.02.2020).
  32. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2019.
  33. Missile Defense Review. Washington, DC, 2019. <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (дата обращения 19.02.2019).
  34. *Арбатов А.* Грёзы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 5–16.
  35. *Arbatov A.* A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center, 24.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80172> (дата обращения 20.02.2020).
  36. Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (дата обращения 15.02.2020).
  37. Актуальные задачи развития Вооружённых Сил Российской Федерации // Красная звезда. 2003. 11 октября. http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (дата обращения 25.02.2020).
  38. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, February 2018. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (дата обращения 01.02.2020).
  39. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г., Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 10.03.2019).
  40. *Арбатов А.* Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Московский центр Карнеги, 22.10.2018. <https://carnegie.ru/commentary/77543> (дата обращения 23.10.2019).
  41. *Арбатов А.* Ускользящая материя // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 5–17. https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2019/02_Arbatov.pdf (дата обращения 19.03.2020).